

БЭТ РИКЛЗ

БРОСОК НАУДАЧУ

Любовь или
популярность?

ОТ АВТОРА КНИГ «БУДКА ПОЦЕЛУЕВ»
И «БУДКА ПОЦЕЛУЕВ-2. НА РАССТОЯНИИ», ПО КОТОРЫМ
НЕТОЛИКС СНЯЛ УМОПОМРАЧИТЕЛЬНОЕ КИНО

Бэт Риклз

Бросок наудачу

Серия «Повезет в любви»

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/63704675>

Бросок наудачу : роман / Бэт Риклз: АСТ; Москва; 2021

ISBN 978-5-17-121703-7

Аннотация

<p>Мэдисон Кларк сделает все, чтобы ее новая жизнь не разбилась вдребезги. Когда она переезжает из маленького городка в штате Мэн во Флориду, у нее появляется шанс изменить все! В Мэне ее считали неудачницей, поэтому, когда популярные ребята из новой школы берут Мэдисон под свое крыло, она с радостью соглашается. Крутой парень, вечеринки, друзья – все было бы просто чудесно, если бы... не дружба с Дуайтом – милым, смешным, но совершенно занудным парнем, и к тому же – изгоем. Мэдисон не может отрицать: ей с ним весело, но только тогда, когда никто не видит их вместе...**</p>** **<p>**Убежать от прошлого, чтобы вновь оказаться на грани провала? Мэдисон не может этого допустить. Но ведь сердцу не прикажешь...**</p>**

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	23
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Бэт Риклз

Бросок наудачу

Глава 1

– Э-э, латте, пожалуйста, – произношу я, даже не взглянув на официанта. Понятия не имею, зачем сделала такой заказ. Я кофе вообще-то *не люблю*. Отношусь к тем девушкам, которые предпочитают чай со льдом или травяной напиток.

Но, сидя здесь, в этой шикарной кофейне с таким пафосным названием – «Ланглуа», – я ощущаю себя такой... ну, не знаю – современной? Привилегированной? Крутой?

– Сию минуту.

Бариста уходит, а я с головой погружаюсь в мобильник, который держу в руках. Это какая-то модная новая модель: с выдвижной клавиатурой, 3G, неограниченным размером сообщений, хранилищем для целой тонны музыки... Все необходимое для хорошего телефона. И он выглядит как хороший телефон. Женщина в магазине *утверждала*, что это – хороший телефон.

К своему стыду, я понятия не имею, как им пользоваться.

Руководство лежит на столе рядом со мной, но у него слишком плотный корешок, книжка не хочет оставаться открытой на странице с пояснением, как настроить Интернет.

То есть я вообще во всем этом не разбираюсь. От меня нет никакого толка в технических вопросах – кроме тех, что касаются загрузки и конвертации музыкальных файлов, – и раньше у меня мобильного не было. Я прежде не нуждалась в нем, поскольку, живя в Пайнфорде, редко куда-нибудь выбиралась.

Я намеренно не называю Пайнфорд домом. С чего бы? Теплых чувств он у меня не вызывает.

Мы провели здесь, во Флориде, десять дней, и это только начало. И я уже в восторге. Это не просто шанс перевернуть страницу, это возможность начать абсолютно новую жизнь.

Чье-то покашливание отвлекает меня как раз в тот момент, когда я решаю, что разобралась, наконец, с этим Интернетом.

Я поняла, почему парень не ставит исходящую паром белую кружку на мой стол: сумочка, коробка из-под мобильного, провода и миниатюрное руководство пользователя заняли все свободное пространство.

– Ой, простите! – машинально извиняюсь я, сбрасываю сумку со стола и как попало запикиваю провода в коробку.

Парень таки ставит кружку, и я впервые внимательно смотрю на него. В его внешности нет ничего особенного. Он не вызывает восхищенных вздохов своей сексуальностью. Но, должна признать, он довольно симпатичный.

Наверняка это из-за черной униформы и темно-зеленого фартука он выглядит немного бледнее, чем есть на самом

деле. У него длинный тонкий нос и очень яркие зеленые глаза с густыми темными ресницами. Его темные же и сильно выщипанные волосы коротко подстрижены. Если бы официант вдруг отпустил их подлиннее, держу пари, у него была бы масса упругих локонов, которой позавидовали бы многие девушки. Он высокий, но в меру. Может быть, на пару дюймов выше меня? Впрочем, из-за длинных конечностей он выглядит немного нескладным.

– Спасибо, – произношу я.

– Желаете что-нибудь еще?

– Нет, спасибо, этого достаточно.

Перевожу взгляд обратно на телефон, затем снова на руководство пользователя – я придерживаю его локтем, чтобы не закрывалось. Если честно, оно для меня китайская грамота. И я никогда не разберусь в этой проклятой штуке сама.

– Может, тебе, кхм, помочь?

Я моргаю, подняв взгляд на него. Даже не заметила, что официант все еще стоит рядом.

– Разве тебе не нужно обслуживать посетителей? – Наверное, это прозвучало высокомерно, но я не нарочно; просто у меня испортилось настроение из-за телефона. Я уже десять минут бьюсь над сущей ерундой.

– У нас не так много заказов – думаю, я могу уделить тебе несколько минут.

Парень показывает жестом, и я вижу, что так и есть: кроме меня здесь три сплетницы, забившаяся в уголок пара и

печатающий на ноутбуке мужчина.

– Все на пляже, – продолжает объяснять официант. – Наслаждаются последними летними днями перед началом занятий в школе. Обычно-то здесь не протолкнуться.

Я киваю.

– Так тебе нужна помощь или нет? – Парень одаривает меня легкой, дружелюбной улыбкой. Немного кривоватой на левую сторону, но от этого скорее необычной и милой.

Уж не знаю, из-за этой ли улыбки или потому, что мне действительно требуется помощь, но я сдаюсь.

– Пожалуйста, – отвечаю я, застенчиво хихикнув.

– Что ты пытаешься сделать? – Он пододвигает стул напротив меня и плюхается на него.

– Точно не скажу. Здесь говорится о необходимости построить Интернет, и на коробке есть какой-то код, но я не понимаю, что нужно делать.

Он протягивает руку, и я передаю ему сотовый телефон. Склоняюсь над руководством пользователя, гадая, потребуется ли оно ему, или это я такая идиотка.

Как оказалось, руководство ему не требуется.

– Какой там код?

Я зачитываю код с коробки, и после нескольких нажатий на кнопки он возвращает телефон обратно.

– Ну вот. Все готово.

– Спасибо! – Я улыбаюсь. – Клянусь, у техники на меня зуб. На прошлой неделе я чуть не сломала микроволновку.

Конечно, это небольшое преувеличение. Я всего лишь выбрала не ту программу, и моя паста взорвалась, а затем микроволновка отключилась.

Парень смеется. И это у него тоже мило получается – нечто среднее между громким, искренним смехом и хихиканьем. Вызывает ответную улыбку.

Теперь, с более близкого расстояния, мне видны рассыпавшиеся по его лицу веснушки, сгустившиеся на носу и более редкие на щеках.

– Значит, ты здесь новенькая? Иначе я бы уже встречал тебя раньше.

– Мы недавно переехали. Из штата Мэн.

– Здорово. У меня там живут двоюродные братья. Я гостил у них несколько раз на День благодарения.

– Да, там нормально.

– Тебе больше нравится Флорида?

Я киваю, может быть, даже чересчур восторженно, потому что вызываю у него усмешку.

– Как минимум, здесь лучше погода.

– Ты еще не видела наши ураганы.

– Жду не дождусь, – говорю я с нотками сарказма в голосе, и он снова улыбается.

Я так волновалась, что здесь будет трудно завести друзей, что все будет так же, как и в Пайнфорде, что люди просто не захотят со мной знакомиться. Особенно раз я новенькая. На мой взгляд, здесь есть два варианта развития событий:

либо мной заинтересуются в качестве блестящей новенькой игрушки, либо сразу отправят в игнор.

Дело не в том, что я не умею общаться или недружелюбна. Просто мне никогда не попадались люди, которые стремились бы со мной поговорить. От такого с годами становишься слегка застенчивой, мягко говоря.

Но завести друзей здесь оказалось проще, чем я ожидала.

– Где ты учишься? – спрашиваю я, набравшись смелости. Он выглядит примерно на мой возраст, но, возможно, уже выпускник.

– В Мидсоммере. Полагаю, тебя тоже туда зачислили?

Я киваю – снова.

– В одиннадцатый класс¹. Начну учиться через пару дней.

Он снова смеется.

– Аналогично. – Он протягивает руку. – Меня зовут Дуайт.

Дуайт?

Что за странное имячко? Никогда в жизни не слышала, чтобы кого-то звали Дуайт. Но этому парню оно даже подходит.

– Мэдисон, – представляюсь я, пожимая ему руку. – Приятно познакомиться.

– Взаимно. Так почему ты не на пляже? Не ловишь последние лучи солнца, не глазеешь на парней?

---

¹ В американских школах двенадцать классов, дети учатся до 18 лет. –Примеч. ред.

– Не улыбалось идти одной. Кроме того, мне нужен был новый телефон.

Я специально сказала «новый». Подумала, ему покажется странным, если я скажу, что у меня никогда еще не было мобильного.

– А-а.

– Что насчет тебя? – парирую я.

– Волны сегодня никуда не годятся, – сообщает он. – К тому же пришлось бы искать того, кто подменит меня на работе.

– Волны?

– Для серфинга.

– Ого. Круто. – Я исподтишка разглядываю его. Он не похож на серфера. Я всегда представляла себе серферов широкоплечими мускулистыми парнями с растрепанными светлыми волосами. И мне казалось, серферы должны быть загорелыми, ведь они много времени проводят на солнце. Дуайт же выглядит слишком бледным и нескладным.

Я отпиваю латте, чтобы сгладить неловкое молчание, и не могу удержаться от гримасы.

М-да. Я определенно больше никогда не закажу латте.

– Слишком горячо? – уточняет парень.

– Э-э, да... Спасибо за помощь, – быстро добавляю я.

– Дай знать, если тебе что-нибудь понадобится, хорошо?

Нужно возвращаться к работе, пока босс не отчитал меня за разговоры с посетителями. – Он снова улыбается мне. – Еще

увидимся?

Это звучит как вопрос, а не утверждение, поэтому я отвечаю:

– Да, конечно.

– Приятно было познакомиться, Мэдисон.

– Я тоже рада с тобой познакомиться, Дуайт, – произношу я его удаляющейся спине.

Похоже, у тебя только что появился друг.

И меня начинают переполнять радужные пузырьки. Может быть, влиться в общество здесь будет не так уж и сложно.

Глава 2

Смерть двоюродной бабушки Джины – это, пожалуй, лучшее событие в моей жизни.

Только не поймите меня неправильно: я любила ее, и теперь мне очень ее не хватает. Но у нее имелись свои любимчики в семье. Ясное дело, что, раз брат моего отца и его семья живут в Неваде, пожилой женщине было тяжело ездить к ним в такую даль. Но именно к нам бабушка Джина приезжала на главные праздники – День Благодарения и Рождество. А моим кузенам просто посылала по почте чек.

Признаюсь, в детстве я очень ее боялась. Ей было восемьдесят девять, когда она скончалась. Высокая сухопарая дама с редкими седыми волосами и вставными зубами, которые постоянно выпадали и громко клацали, когда она говорила. Но, увидев ее фотографии, я поняла, почему в юности Джину часто снимали в качестве модели. И все же, несмотря на ставшую к старости устрашающей внешность, бабушка была по-настоящему хорошим человеком.

Бабушка Джина жила во Флориде, в большом доме на берегу моря. И после ее смерти все досталось нам. И я действительно имею в виду *все*. Огромное наследство – дом, всю винтажную одежду и драгоценности.

Сначала мы не знали, что с этим делать. Продать недвижимость и, возможно, купить дом получше в пределах штата

Мэн? Оставить в качестве загородного дома? До сих пор не помню, кто предложил в итоге сюда переехать. Но кто бы это ни был, я у него в неоплатном долгу.

Делом занялся папа. Он нашел себе место врача в частной клинике, расположенной неподалеку от пляжа, где стоял дом двоюродной бабушки Джины. Мама подыскала в пригороде, недалеко от средней школы, хороший дом с тремя спальнями, большим садом и даже небольшим бассейном. Будучи учительницей начальных классов, мама без труда получила новую работу во Флориде.

Дженна, моя старшая сестра, к тому времени уже уехала из Мэна; она студентка Нью-Йоркского университета, и ей было все равно, переедем мы из Пайнфорда, штат Мэн, или нет. Она там давно не жила и не планировала туда возвращаться.

– Скукотища. Здесь ничего не происходит, – ответила она маме и папе, когда они спросили, почему она не выбрала колледж поближе к дому. – Кроме того, в Нью-Йорке программа обучения лучше. К тому же я хочу повидать мир. Этого не случится, если я останусь в Пайнфорде.

Единственное, что могло бы их удержать от переезда, – это я. А я не могла этого переезда *дождаться*.

В Пайнфорде мне просто нечего было делать. К концу десятого класса я даже не пыталась работать на уроках и не могла похвастаться миллионом друзей и насыщенной общественной жизнью. Поэтому, когда мама осторожно спроси-

ла меня: «Мэдисон, дорогая, как ты считаешь, с тобой точно-точно все будет в порядке, если мы переедем во Флориду?», – мой ответ был мгновенным:

– Можно я уже начну собирать вещи?

Переезд во Флориду означал, что я смогу начать совершенно новую жизнь.

В Пайнфордской школе моя сестра Дженна была весьма популярна. Блондинка из группы поддержки, но одаренная умом наравне с красотой, она состояла в организационном комитете Бала выпускников и занимала должность президента класса. Такая типично американская девушка-мечта.

В этой же школе училась и я.

Но я просто... не Дженна. Хотя и пыталась ею стать. Мне вполне нравилось держаться обособленно, однако отнюдь не по своей воле я избегала вечеринок, не являлась предметом школьных сплетен или объектом внимания парней... Я не изображала из себя одинокую неудачницу, такую роль в школе определили для меня все остальные.

И переезд в Мидсоммер, округ Коллиер, штат Флорида, – это отличный шанс на совершенно новую жизнь. Никто не проверит, дотягиваю ли я до планки, установленной моей сестрой. Никто не узнает, какой я была последние пару лет.

Я могу стать собой.

Такой, знаете ли, лучшей версией себя.

Я беру с кофейного блюдца чайную ложечку и поворачи-

чиваю пальцами так, чтобы видеть на выпуклой поверхности свое искаженное отражение. Я все еще привыкаю видеть незнакомку в зеркале.

Когда я осознала, что благодаря переезду могу построить совершенно новую жизнь для себя, то также поняла: лучшего времени для преобразования и не придумать. Ведь именно так все и поступают, верно? Переезжают на новое место и возрождаются кардинально новыми, лучшими, не так ли? Я хотела того же.

Ладно, от меня не требовалось ничего радикального. Толстуха Мэдди исчезла больше года назад – просто никто не интересовался мной настолько, чтобы это заметить. Брекеты я сняла на прошлое Рождество. А с февраля избавилась от безобразных очков и стала носить контактные линзы. Но сложившееся у людей мнение очень трудно изменить. Они уже сделали выводы, навесили на тебя ярлык, и им хочется, чтобы ты носила его вечно. Тебе выделили место в обществе, и там, по их мнению, ты и должна оставаться.

Так что даже когда я похудела, даже когда мне сняли брекететы, даже когда я начала носить контактные линзы, поскольку с ними удобнее, чем в очках, всем было плевать. Люди могут быть недалекими и поверхностными, но иногда они слишком эгоистичны, чтобы вообще замечать тебя.

С той поры и мне стало плевать. Когда ты отгораживаешься стеной, ее трудно пробить.

Теперь, однако, мне совсем не наплевать на мнение окру-

жающих.

Новая Мэдисон – крутая, непосредственная, дерзкая.

Глядя на растянутое отражение в ложке, я могу поверить, что превращаюсь в новую Мэдисон.

Дотрагиваюсь рукой до волос – не из самолюбования. Я все еще привыкаю к тому, что у меня их вроде как больше нет. На самом деле это довольно радикальная перемена: всю жизнь я носила длинные волосы. Кому-нибудь другому – например Дженне – люди могли бы позавидовать. Но мои волосы были мышинового цвета, без многослойной стрижки или челки, которые бы их оживили, так что вы поймете, почему я их обрезала.

Ну, *невсе*. Но почти все.

Мама взбесилась, когда увидела меня – вернувшуюся из нашей скромной городской парикмахерской. Она вытаращила глаза и уставилась на меня. «Вроде бы ты сказала, что *простоподровняешь кончики!*»

Но сейчас я улыбаюсь отражению в маленькой серебряной ложечке, поскольку люблю свою новую прическу. Я выбрала короткую стрижку боб с более длинными прядями спереди, обрамляющими лицо. Некоторые пряди сделали темнее, а некоторые – осветлили, чтобы оживить образ. О, и широкая косая челка, которая почти скрывает левый глаз, по словам Бобби, моего парикмахера, придает мне «остроты рок-гламура». На этот раз я поверила ему на слово.

Но главная причина, по которой я постриглась, – я хоте-

ла лишить себя укрытия. Не выглядит лучше, хотя это сыграло *немалую* роль. Но там, в Пайнфорде, я могла опустить голову и спрятаться за волосами, надеть наушники и постараться исчезнуть. Я хотела измениться, стать новой Мэдисон. Так что, отрезав волосы, *вынудила* себя вести по-другому. Прятаться стало трудней.

Я не особенно красива – я знаю это и никогда не ожидала, что стрижка, макияж, или что-то еще меня изменят. Тем не менее, по сравнению с тем, как я выглядела в Пайнфорде, с уродливыми очками, брекетами и лишними килограммами, теперь смотрюсь хорошо – не так уж уныло. И мне этого достаточно.

Одна вещь, которую мне повезло унаследовать, – это мамина безупречная кожа. Ну ладно, моя *не такая* уж безупречная – гормоны дают о себе знать. Но все же она почти идеальная.

Новая Мэдисон – крутая, дерзкая, непосредственная.

Дерзость выражалась в стрижке. Крутость заключалась в покупке нового гардероба – ну, такого, который состоял бы не только из простеньких мешковатых футболок и бесформенных джинсов, скрывающих фигуру. Мои родители были только рады оплатить обновки и увидеть, что я наконец-то веду себя как нормальная шестнадцатилетняя девчонка.

Осталось проявить в чем-то *непосредственность*, но такое запланировать трудно.

Я кладу ложку, беру свою кружку и глотаю теплый латте

– никто не должен понять, что я на самом деле не люблю кофе. Затем собираю вещи, кладу коробку от телефона обратно в сумку, а модный новый мобильник, теперь полностью настроенный (и без дополнительной помощи бариста Дуайта, имею честь признаться), – в задний карман джинсовых шортов.

Дуайт чистит кофейник, когда я подхожу к стойке.

– Еще раз спасибо, – протягиваю чек, приложив десятидолларовую купюру, которой более чем достаточно в качестве чаевых за один латте, но я чувствую, что должна ему еще и за помощь с телефоном.

Пока я говорю, он оглядывается и затем улыбается мне:

– Без проблем. Ты уже уходишь?

Киваю.

– Мне нужно быть дома к ужину, так что... Ну, э-э, я... Увидимся, – бормочу я. Затем снова улыбаюсь и неловко машу рукой, прежде чем пойти к двери.

– Эй! Э-э, Мэдисон?

Занеся одну ногу над порогом, я оглядываюсь на него.

– Да?

Мой голос потрясающе спокоен, если учесть, что сердце внезапно забилось, а ладони вспотели. Я крепко сжимаю пластиковый футляр. Во рту пересыхает, и я с трудом сглатываю. Потому что на мгновение приходит мысль: «*О боже, он собирается пригласить меня на свидание?*»

Не будь такой смешной, Мэдисон. Ты не настолько хоро-

шо выглядишь. Вы только познакомились. Он не пригласит тебя ни на какое свидание.

Затем звучит голос Дуайта, обрывая мои внутренние размышления и возвращая к реальности:

– Чем ты занимаешься завтра?

Моргаю.

Что это... Неужели он... все же приглашает меня на свидание?

– Ничего. По крайней мере, по-моему, ничего. А почему ты интересуешься? – Похоже, я начинаю заговариваться, лучше помолчу.

– Ну, я просто подумал, раз уж ты недавно к нам переехала... Ты уже была на пляже?

– Нет, еще не выпало случая.

– У меня завтра только дневная смена, – произносит он с легкой кривоватой улыбкой. – А вечером там – на пляже – будет праздник. Его устраивают каждый год – ну, знаешь, типа конец лета и все такое. Я просто подумал, вдруг ты захочешь пойти. С кем-нибудь познакомишься.

Все прежние беспорядочные мысли исчезли; теперь мой разум пуст, и мне требуется пара секунд, чтобы ответить. Поскольку: а) этот парень пригласил меня на вечеринку, а я еще никогда не была на вечеринке, и б) этот парень, на самом деле довольно симпатичный, таки не пригласил меня на свидание.

– Конечно, – наконец удается выдать мне с улыбкой. –

Сначала мне нужно отпроситься у родителей, но...

Умолкаю. Не слишком ли глупо с моей стороны было сказать, что я должна спросить своих родителей?

Он улыбается в ответ.

– Потрясно. Твой мобильник теперь работает нормально?

– Дождавшись моего кивка, Дуайт добавляет: – Я забуду туда свой номер. Встретимся где-нибудь заранее, чтобы тебе не пришлось появляться одной.

Я понимаю, это просто дружеский жест, но едва не расплываюсь в широкой улыбке. *«Он дает мне свой номер!»* – так и вертится в голове, когда я протягиваю мобильник.

– Обычно начинают около восьми, – сообщает он мне.

– Ладно. Кхм. Ладно. Спасибо. Значит, эм-м, увидимся завтра.

Буду ли я выглядеть еще большей идиоткой, если хлопну себя по лбу? Господи, неужели я не могу сформулировать простое предложение?

– Пока, Мэдисон.

– Пока, Дуайт.

Уходя, я на седьмом небе от счастья. Серьезно. Я иду на вечеринку (как только договорюсь с мамой и папой)!

Я несусь по дороге вприпрыжку. Здесь, на окраине города, расположено несколько заведений: кофейня «Ланглюа», парикмахерская и библиотека; затем аптека и еще пара сетевых магазинов музыки и одежды.

Не знаю, что именно бросается мне в глаза, но вдруг я

останавливаюсь и смотрю на одно из зданий. Оно не очень большое, мрачноватое на вид и не такое высокое, как остальные здания на улице. Вижу надпись крупным курсивным шрифтом на витрине: «*Городской салон боди-арта Бет*». И витрины увешаны фотографиями пирсинга и образцов татуировок. Я стою и смотрю, совершенно загнипнотизированная открывшимся зрелищем. И буквально подпрыгиваю, едва не уронив футляр от телефона, когда слышу звук открывающейся двери.

В дверях, скрестив руки на груди, стоит женщина и смотрит на меня. Я сглатываю. Она будто сошла со страниц каталога салона: многочисленные проколы в ушах и на лице, татуировки на руках. Из помещения доносится мягкий, слегка дребезжащий звук старой песни группы Guns N' Roses. Женщина полная, с седеющими волнистыми волосами до плеч.

– Я могу тебе чем-нибудь помочь, дорогая? – вежливо спрашивает она.

Я пялюсь на нее, понимая, что это невежливо, но ничего не могу с собой поделать. Она выглядит так, словно ей не хватает питбультерьеров у ноги и огромного мотоцикла Harley Davidson, а говорит, как добрая мамочка, которая постоянно печет своим детям печенье.

– Э-э... я просто смотрю...

Поворачиваюсь обратно к витрине. Краем глаза вижу, как она внимательно изучает меня, и от этого неловко переминаюсь с ноги на ногу.

– Ты никогда не думала о том, чтобы проколоть нос, дорогая?

– Нет, – мотаю я головой.

– Тебе бы пошло, – сообщает она с улыбкой в голосе. – Но только справа, из-за челки.

– О. Вообще-то, я никогда об этом не думала.

– Что ж, ты знаешь, где меня найти, если когда-нибудь решишься – хорошо, дорогая?

Я поворачиваюсь к ней, и она одаривает меня теплой улыбкой.

Пирсинг в носу? Мама и папа убьют меня. Да и разве это не больно? А если ранка воспалится?

Но новая Мэдисон должна быть импульсивной, верно?

И это звучит довольно круто... К тому же пирсинг подойдет к моей новой прическе «рок-гламур», не так ли?

Не успев все хорошенько обдумать, я уже слышу собственный голос:

– Знаете, что? Давайте. Почему нет.

Дама (полагаю, она и есть та самая Бет, владелица «Городского салона боди-арта Бет») в ответ приподнимает брови.

– Ты уверена, дорогая?

Я улыбаюсь и киваю, прежде чем последовать за ней внутрь, несмотря на то что до смерти напугана – поскольку: а) подозреваю, это будет очень больно, и б) дома меня убьют...

Глава 3

Пирсинг в носу болит адски.

Когда я впервые взглянула в зеркало, то практически не узнала себя. Стрижка «рок-гламур» и блестящий синий гвоздик в носу – это одно, но шорты с модными прорехами от бренда «Аберкромби» и симпатичный синий топ с подходящими по цвету вьетнамками – такое тоже совсем на меня прежнюю не похоже.

Я представляю, какой была в начальных классах средней школы. Упитанная, в роговых очках с толстыми линзами, в брекетах, которые носила по меньшей мере год. В бесформенном свитере и джинсах, чтобы не бросалось в глаза, как я далека от нулевого размера.

Ладно бы я была невидимкой. Но я ей не была. Ладно бы я отличалась умом, но хорошие оценки мне ставили, только когда я действительно старалась, так что «ботанкой» меня не назовешь. Ладно бы я играла в оркестре или состояла в шахматном клубе – но нет.

Встряхиваю головой, поскольку здесь и сейчас все это уже не важно. Больше мне не придется быть такой Мэдисон. Она в прошлом.

Я улыбаюсь своему отражению. Безусловно крутому, дерзкому и порывистому.

По пути домой я очень собой довольна. Не только из-за

пирсинга или того, что симпатичный парень записал свой номер в мой телефон, но и из-за того, что все наконец налаживается.

Ну, по крайней мере, все так ощущается, пока я не дошла до дома.

– Мэдисон, это ты?

– Учитывая, что, кроме меня, в этом штате больше ни у кого нет ключей от нашего дома, нет, мам, это не я! – кричу в ответ.

В доме витает аромат стряпни, и сразу понятно – папа готовит пасту. С силой втягиваю носом воздух: его блюда всегда пахнут потрясающе. А вот мамины чаще оказываются... подгоревшими.

– Ты как раз к ужину, – сообщает мама, на мгновение выглянув из кухни. Пока я разубаююсь, она продолжает: – Выбрала себе телефон?

– Ага. С Интернетом и всякими наворотами. – Я не уточняю, что за навороты, поскольку сама еще до конца в них не разобралась. Знаю только, как отправить сообщение, позвонить и открыть Google.

– Отлично.

Она даже не спрашивает, сколько это стоит. Просто рада, что я веду себя как нормальный подросток.

Захожу в кухню с выкрашенными в бежевый цвет стенами, деревянной мебелью и керамической плиткой, а папа как раз раскладывает пасту. Беру тарелку и сажусь за стол.

– Вы закончили переносить оставшиеся коробки на чердак? – спрашиваю.

– Угу, – гордо отвечает папа. Мама *несколько дней* кряду просила его убрать из комнаты для гостей все старые фотоальбомы и игрушки, оставшиеся с тех времен, когда мы с Дженной были детьми, – ну, знаете, барахло, которое обычно хранится на чердаке.

Мама с папой садятся за стол, и я чувствую, как быстро и сильно бьется сердце. Они еще не заметили пирсинг. Может быть, и не обратят внимания – хотя бы еще пару дней. Или, может быть, все-таки заметили и каким-то чудом им все равно. Не знаю, но сама спрашивать не стану.

– Тебя долго не было, – произносит мама через пару минут.

– Я зашла в кофейню. Нужно было настроить мобильник. Там работает один парень, и ему пришлось помочь мне разобраться.

– Парень? – Мама наострила уши. Я знала, что так и будет.

– Да. Он сказал... ну, он идет в одиннадцатый класс, как и я.

– Правда? Как он выглядит? Симпатичный?

«Да, – приходит мне на ум, – *очень симпатичный*».

Но я пожимаю плечами и говорю:

– Конечно. Наверное. Во всяком случае, он был очень мил. Сказал, что завтра вечером на пляже будет праздник.

Снова в школу и все такое.

– Он тебя пригласил?

Я киваю, но поспешно добавляю:

– Но только по-дружески. Чтобы я могла с кем-нибудь познакомиться перед началом учебного года.

Мне нужно ясно дать понять: это не свидание. Мама с ума сойдет от мысли, что ее дочь, которая наконец-то выбралась из панциря и превратилась в обычную шестнадцатилетку, встречается с кем-то.

– О... – Мама кажется слегка разочарованной, однако затем она добавляет: – Но это же здорово! Судя по твоим словам, он замечательный. Как его зовут?

– Дуайт.

– Дуайт, а фамилия?

– Не знаю.

– А где он живет?

– Где-то здесь, наверное. Не знаю. Я его не допрашивала.

– Вернемся к теме, – говорит папа, указывая на меня вилкой, – что там насчет вечеринки?

– Она будет на пляже. Похоже, просто соберется толпа школьников. Дуайт сказал, что все начнется около восьми.

Родители обмениваются короткими взглядами, а потом папа строго говорит мне:

– Никакой выпивки, Мэдисон, ты меня слышишь? Мы не хотим, чтобы ты пошла на вечеринку и натворила глупостей. Ты не знаешь этих людей, и мне плевать, что они все пьют,

а ты – нет.

Я почти уже готова возразить, просто из принципа. Но правда в том, что я слишком воодушевлена этой вечеринкой – *настоящей вечеринкой!* – чтобы спорить. Поэтому просто киваю, улыбаюсь и говорю:

– Да, конечно. Я все поняла.

Папа тоже кивает и бросает на меня строгий предупреждающий взгляд.

– Хорошо. И можешь вернуться домой к половине двенадцатого.

– А что, если больше никто не уйдет? Что, если вечеринка закончится в полночь или в час? – *«Не хочу показаться всем неудачницей»*, – добавляю я про себя.

– Ты можешь вернуться домой к половине двенадцатого, Мэдисон, – говорит мне мама. – Как папа и сказал, ты не знаешь этих людей, и мы не хотим, чтобы ты оставалась с ними до завтрашнего утра.

– Ладно, – ворчу я, но не слишком воинственно. Комендантский час в половину двенадцатого – это лучше, чем вообще остаться дома.

Еще минуту или около того мы едим в тишине, а затем мама говорит:

– Мэдисон, ну-ка посмотри на меня.

Что я и делаю. И ее столовые приборы со стуком падают на тарелку, едва не вываливая пасту на стол.

– Что, черт возьми, ты сделала со своим лицом?

Я не сразу понимаю, о чем речь. Прикусываю губу и чувствую, как сердце уходит в пятки.

– Мы поручили тебе пойти и купить мобильный телефон, а ты пришла домой с... с этим?! – кричит мама. Ее лицо краснеет от гнева. Мама редко злится. Она из тех славных воспитателей детского сада, которые обожают детей. Мы с Дженной всегда знали, что, если уж мама разозлилась, нам придется тяжело.

Однажды Дженна разбила старинную вазу, которую мама унаследовала после смерти бабушки. Это вышло совершенно случайно: Дженна споткнулась и врезалась в стол. Но мама так разозлилась, что наказала Дженну на целую неделю.

Поэтому прямо сейчас мне хочется провалиться под землю, и я уже жалею, что сделала пирсинг.

– Это всего лишь пирсинг, – бормочу я в свою защиту. – Это же не татуировка...

– *Что?* – кричит папа, скорее потрясенный, чем рассерженный. – *Зачем?*

– Да, Мэдисон, – кипит от гнева мама. Если бы взгляды могли убивать... – Не хочешь ли объяснить нам, зачем ты так изуродовала свое лицо?

– Не знаю, – бормочу я. От запаха пасты, который показался восхитительным, когда я вошла в дом, внезапно начинает тошнить. – Я просто хотела... Я подумала, что это будет выглядеть круто...

– Ах, Мэдисон, какая же ты глупышка! – произносит ма-

ма, и в этот момент весь гнев, кажется, уходит из нее. Она больше не злится, скорее расстроена. Даже сочувствует. Она обмякла в кресле, как тряпичная кукла, словно лишь злость на меня помогала ей держать спину прямо.

Потом мама снова садится ровно и наклоняется над столом, положив свою руку поверх моей.

– Дорогая, я знаю, тебе было тяжело. Я знаю. Это убивало меня. И я знаю, что ты хочешь произвести хорошее впечатление на новых знакомых и завести друзей, но тебе не обязательно делать что-то подобное, лишь бы...

Со вздохом она умолкает.

Мама думает, я сделала пирсинг, чтобы больше нравиться окружающим.

Может, она и права. То есть я считала, что это сделает меня интересной и крутой... Чтобы со мной захотели общаться. Чтобы не сливаться с массовкой. Так что да, возможно, моя мама права – за исключением того, что в момент принятия решения я не вполне понимала свои мотивы. Кто знает? Я сейчас не в настроении заниматься самоанализом.

Открываю рот, собираясь поспорить, но мама перебивает меня:

– Ну, теперь все равно, его нельзя вынимать. Ранка может воспалиться. – Она вздыхает. – Знай, Мэдисон, я от этого не в восторге.

– Знаю, – бормочу я.

Я жду, что она запретит мне идти завтра на вечеринку и,

возможно, даже посадит под домашний арест. Меня никогда раньше не наказывали. Но опять же, если бы и наказывали, что бы это изменило? В Пайнфорде, пока все остальные ходили по вечеринкам, я все равно сидела в своей комнате.

Но теперь, при мысли, что впервые окажусь под домашним арестом, я слегка паникую.

А потом мама спрашивает:

– А ты уже думала о том, что наденешь на эту вечеринку?
– И вот тогда я начинаю *по-настоящему* паниковать.

В тот же вечер звонит Дженна, и примерно через десять минут папа кричит мне:

– Мэдисон, Дженна хочет с тобой поговорить!

Я вытаскиваю наушник из левого уха и наклоняюсь к тумбочке, чтобы взять вторую трубку.

– Привет, Дженна.

– Пирсинг в носу, да? Должна признаться, Мэдс, я от тебя такого не ожидала. Мама совсем не рада этому. – Она смеется. – Но ты молодец. Бьюсь об заклад, это выглядит сексуально.

– Черт возьми, да. – Я произношу это с сарказмом, но на самом деле надеюсь, что это и правда выглядит «сексуально», раз она так сказала.

Дженна снова смеется, и, прежде чем я успеваю поинтересоваться, как там поживает Большое Яблоко², она берет

---

² «Большое яблоко» (англ. The Big Apple) – самое известное прозвище амери-

быка за рога и говорит:

– Выкладывай все об этом парне из кофейни!

– Его зовут Дуайт. Он моего возраста, и мы вместе будем ходить в школу. Так что это хорошо, знаешь, потому что у меня вроде как уже есть друг. А еще он очень симпатичный – у него замечательная улыбка.

– О-о, – воркует моя старшая сестра. – А как же он выглядит? Высокий? Мускулистый? Миловидный? Он похож на футболиста или кого-то еще?

– Ну да, он довольно милый... – Сообщая это, я накручиваю на палец прядь волос, на моих губах играет улыбка.

– Высокий. Темные волосы. И он занимается серфингом, – добавляю я. – Но он пригласил меня на вечеринку только как друга. Он даже не флиртовал, так что ничего тут особенного.

Последние фразы Дженна пропускает мимо ушей.

– Правда? Серфингист? Ого. Это... – Она смеется. – Это и правда круто! Похоже, ты подцепила классного парня! А что там мама говорила по поводу вечеринки?

Дженна произносит «вечери-и-инки», и от этого я хихикаю и качаю головой.

– Дуайт сказал, что завтра вечером на пляже будет тусовка. Он дал мне свой номер, чтобы...

– *Он дал тебе свой номер?!* – издает вопль Дженна. – *Боже мой!* Ты серьезно? А говоришь, он считает тебя только

другом. Пф-ф-ф.

– Дал, но только чтобы мы могли встретиться заранее. Это *действительно* было по-дружески! – настаиваю я.

– Э-э, Мэдисон, нет, не было, поверь мне! Раз он дает тебе свой номер вот так, – я слышу, как она резко щелкает пальцами на заднем плане, – значит, ты ему понравилась.

– Мне так не кажется, – отвечаю я, снимая с одеяла волокна выбившегося наполнителя. – Я правда считаю, что он просто проявил вежливость. Знаешь, чтобы мне не пришлось стоять там одной, как... как лимон.

– М-м, – задумчиво произносит сестра. – А ты бы хотела, чтобы это было свиданием?

– Наверное, – бормочу я. Я бы не призналась в этом маме, но Дженна – другое дело. – Но какая разница, ведь это *не свидание*.

– Ну ладно, тогда следующий вопрос: как одеваешься?

– Сейчас на мне шорты, майка и свитер, который бабушка связала на прошлое Рождество.

– Я имею в виду, как завтра одеваешься, на вечеринку, дубина.

Мы обе смеемся.

– Честно говоря, не знаю, – отвечаю я.

– Что ж, для чего-то же нужны старшие сестры? Выбирай шорты, определенно. У тебя есть какие-нибудь потертые? И когда я говорю «шорты», то имею в виду действительно короткие шорты. Из тех, которые мама не одобрит.

Я хихикаю и скатываюсь с кровати, чтобы открыть шкаф. Мы с Дженной болтаем больше получаса, и она объясняет мне, какие элементы гардероба, по ее мнению, подходят для пляжной тусовки. С учетом того, что, живя в Мэне, она никогда не ходила на вечеринки на побережье, ее осведомленность кажется мне просто ужасающей.

Когда я обращаю на это ее внимание, Дженна смеется и говорит:

– Мэдисон, просто доверься мне.

Что я и делаю.

Глава 4

Вы когда-нибудь испытывали чувство тошноты во время того, как в первый раз отправляете сообщение парню, который вам нравится?

Итак, представьте себе: у меня настолько сильные спазмы в животе, что едва не писаюсь, взмокшие ладони, лихорадочная череда мыслей. Я удаляю и переписываю одно сообщение не менее десятка раз.

Моя ситуация еще хуже: ведь я никогда раньше не писала парням, вообще. Я совершенно не разбираюсь в том, как это принято делать.

Я трачу около двадцати минут, пытаюсь составить сообщение для Дуайта. Прямо сейчас на экране моего телефона написано: *«Привет! Как дела? Хотела узнать, как мы встретимся с тобой перед вечеринкой? J»*. И теперь я лишь пристально вглядываюсь в текст и пытаюсь определить, насколько он приемлем. Может, убрать *«Как дела»*? И следует ли добавить в конце *«Целую»*?

Не знаю, не знаю, не знаю!

Я бросаю телефон на кровать и запускаю пальцы в волосы, прикусывая губу, чтобы сдержать вопль отчаяния.

Дзинь!

Я замираю. Затем опускаю руки и широко распахнутыми глазами смотрю на телефон. Кажется, в это мгновение мое

сердце реально перестало биться.

Я кидаюсь к телефону, хватаю его и беспомощно смотрю на экран.

Сообщение отправлено.

Когда я уронила телефон, то случайно нажала кнопку отправки. Я тихонько испускаю тревожное поскуливание, и мое сердце снова начинает свой бег, причем довольно быстрый.

После двойной перепроверки становится ясно: да, телефон*совершенно точно* отправил сообщение Дуайту.

Проходит несколько минут, прежде чем паника и тревога утихают. Скорее всего, я бы в любом случае отправила ему нечто подобное. Не из-за чего переживать. Я веду себя глупо.

Теперь остается лишь дождаться ответа.

Я помню, Дуайт работает в дневную смену, так что, возможно, он все еще на работе и не ответит некоторое время.

А пока я иду к своему шкафу и достаю наряд, который помогла выбрать Дженна. Это молодежные микрошорты из светло-голубого денима с немного обтрепанными краями, которые прикрывают лишь треть бедра. К ним – белая кофточка с низким вырезом, украшенным черными кружевами. Пара черных сандалий, несколько золотых браслетов и легкая белая толстовка – по словам Дженны, никто не придет туда слишком нарядным и может быть холодно, но мне все равно хочется выглядеть хорошо.

Насчет кофточки я не уверена. Я хочу сказать, у меня не

такой уж пышный бюст. Дженна всегда дразнила меня (и вообще-то до сих пор продолжает), что я плоская как гладильная доска. Это преувеличение, но не такое уж большое.

Но погодите, Дженна, возможно, не была ни на одной *пляжной* вечеринке, но она наверняка знает намного больше о вечеринках вообще и о том, что надеть, чем я.

Я погружаюсь в размышления, как буду смотреться в подобранном наряде, и, когда мой мобильный телефон снова издает «Дзинь!», аж подпрыгиваю.

О боже, он ответил!

Поспешно убираю одежду обратно в шкаф как можно аккуратнее, чтобы не помять. Затем хватаю мобильник.

Одно новое сообщение: от Дуайта.

Я ухмыляюсь, в то же время чувствуя жуткую тревогу. Но решаюсь – открываю сообщение.

«Привет, J. Где ты живешь? Я могу зайти за тобой в восемь, если удобно?»

Отправляю ему адрес и отвечаю, мол, это очень даже удобно, спасибо! Добавляю смайлик и нажимаю «Отправить», затем откидываюсь на подушки и улыбаюсь.

Смесь возбуждения и страха наполняет меня. По правде говоря, даже не знаю, о чем сейчас думаю. Без конца улыбаюсь, поскольку наконец становлюсь тем, кем хочу быть, и выхожу в реальный мир; меня не игнорируют, надо мной не смеются. Но в то же время сердце уходит в пятки, ведь я никогда еще не была на вечеринке и понятия не имею, что буду

там делать. Я не знаю никого, кроме Дуайта, и не могу требовать от него весь вечер провести со мной рядом.

Я понимаю: мне придется разговаривать с людьми – и встретиться с большинством из них в школе в понедельник. А если я им не понравлюсь? Если не найду, что им сказать, или выставлю себя идиоткой? Кажется, будто меня швырнули в бездну без всякой страховки.

Я понимаю: так, вероятно, лучше, чем просто появиться в школе в понедельник, как овечка, заблудшая в бассейн с пираньями. По крайней мере, благодаря вечеринке у меня будет возможность познакомиться с кем-то, может быть, даже произвести хорошее впечатление.

И не успеваю я оглянуться, как уже почти семь часов.

Прыгаю в душ, а затем тщательно укладываю волосы, одеваюсь и наношу макияж. После переезда во Флориду мама убедила меня купить целую гору косметики.

– Не то чтобы тебе без этого не обойтись, – пояснила она. – Ты прекрасна, милая. Но когда ты просто захочешь прихорошиться, тебе она потребуется, я знаю. Дженна была точно такой же.

До недавних пор я пользовалась только тушью – мои ресницы такие светлые, что их будто и не существует вовсе, – а к остальной косметике не прикасалась. Если бы я собиралась в торговый центр с мамой, то, возможно, добавила бы немного консилера под глаза. Но и только.

Однако сегодня вечером я стою перед туалетным столи-

ком и тщательно наношу все: тени для век и подводку для глаз, тональный крем и румяна, тушь для ресниц и блеск для губ. По полной программе.

И опять же, я так рада, что росла рядом с такой старшей сестрой, как Дженна; я никогда особенно не пользовалась косметикой, но хотя бы знала, как правильно ее наносить.

Накрасившись и одевшись, я делаю шаг назад и внимательно оглядываю себя в зеркале. Я уже немного свыклась с отражавшейся в нем в последнее время незнакомкой, но на этот раз просто потрясена.

Я выгляжу...

Я выгляжу *хорошо*. Не нахожу ничего – вообще ничего – от себя прежней. Я пристально изучаю отражение и удивляюсь, куда подевалась Толстуха Мэдди; гадаю, как, черт возьми, я умудрилась превратиться из жертвы насмешек и одиночки, а если повезет, то просто невидимки, в... в такую.

Я бы никогда не призналась в этом вслух, но считаю, что выгляжу сейчас даже более чем хорошо. Новая Мэдисон должна быть крутой, дерзкой и порывистой. И я точно подхожу под это определение.

На моем лице расцветает улыбка. Я чувствую себя уверенно, словно эта вечеринка мне по плечу, словно я могу пойти туда и свободно общаться с людьми. Потом перекидываю браслеты с правой руки на левую – не хочу, чтобы кто-нибудь увидел мой шрам и спросил о нем.

Раздается звонок в дверь.

Дыхание перехватывает. *Он здесь!*

Громко смеюсь, представляя, до какой степени обрадовалась бы, если бы парень, звонящий в дверь, пришел на свидание.

– Это не свидание, – тихо говорю я, глядя прямо в глаза отраженной в зеркале Мэдисон. – Он пригласил меня только по доброте душевной. Это не свидание.

Резко выдыхаю и вдруг, услышав оклик папы: «Мэдисон! Твой друг пришел», – осознаю, что успела совершенно забыть об ожидающем внизу у двери Дуайте.

Я со всех ног бегу вниз по лестнице – надо помешать папе, а то он заставит краснеть меня – или Дуайта. Пусть моя реакция не кажется вам чрезмерной, серьезно... Когда Дженна приводила домой парней, я видела, как родители могут при желании начудить – хотя обычно они очень хорошие. И даже если Дуайт просто друг, я не собираюсь подвергать нас обоих такому испытанию.

Но папа все равно решает поставить меня в неловкое положение и говорит:

– Разве поверх этого не нужно надевать брюки, Мэдисон?

Стискиваю зубы и пытаюсь не краснеть. С годами я научилась не позволять щекам гореть после всякого акта унижения в школе.

– И в половину двенадцатого комендантский час – все понятно, – отвечаю я. Затем поворачиваюсь и улыбаюсь Дуайту, наконец-то взглянув на него.

На моем новом друге брюки цвета хаки и белая футболка. Крой свободный, поэтому Дуайт выглядит еще более долго-вязым и худым – но не в плохом смысле.

– Готова? – обращается он ко мне с кривоватой улыбкой.

– Ага, – киваю.

– Мобильник взяла? – спрашивает папа.

– Да, – откликаюсь я немного раздраженно – мне уже очень хочется уйти.

– Хорошо. – Он поворачивается к Дуайту и быстро кивает.

– Повеселитесь, детишки.

– Пока, папа, – прощаюсь я и иду к открытой двери. Дуайту приходится отступить на улицу, чтобы мы не столкнулись.

Я закрываю дверь одной рукой, а затем останавливаюсь, смотрю на него и с усилием выдыхаю – моя косая челка на мгновение аж приподнимается.

– Ты как будто стесняешься своего отца, Мэдисон, – смеется Дуайт.

– Что? – Я делаю такое лицо, будто понятия не имею, о чем он говорит. – С чего ты это взял?

Он снова смеется.

– Не волнуйся: он вроде бы неплохой. Хуже моей мамы никого нет, я точно знаю. Однажды она решила показать моим друзьям мои детские фотографии. И я имею в виду такие детские фотографии, которые должны лежать и пылиться на чердаке.

Я смеюсь и вспоминаю, как мои родители поступили так

же с одним из парней Дженны.

– Кстати, классный пирсинг. Тебе идет.

– О, спасибо! – Я лучезарно ему улыбаюсь.

Мы идем по пешеходной дорожке.

Шагая рядом с Дуайтом, я понимаю, насколько он меня выше. Ростом я не отличаюсь, а с тех пор, как похудела, вообще кажусь миниатюрной.

– Спасибо за приглашение, – говорю я, ненавязчиво прерывая молчание.

– Без проблем. Я подумал, что ты, возможно, захочешь с кем-то познакомиться до начала учебного года.

Я благодарно улыбаюсь.

– Это должно быть страшно, – продолжает Дуайт, когда мы сворачиваем за угол. – Перейти в новую школу, я имею в виду.

– Все лучше, чем в моей предыдущей школе, – пожимаю я плечами.

– А что случилось в твоей предыдущей школе?

На мгновение я замолкаю, мысленно ругая себя. Не могу поверить, как легко проговорила! Как можно быть такой душой?

– Извини, – произносит Дуайт. Наверное, я молчала достаточно долго, чтобы он понял – это щекотливый вопрос. – Я не хотел совать нос не в свое дело.

– Нет, все в порядке. Просто... я и мой длинный язык, – шучу я и заставляю себя рассмеяться. – Дело в том, что...

э-э... на самом деле я там была не... В моей школе в штате Мэн учились не самые приятные люди.

– О-о.

– Мне очень жаль. Я не хотела неловкости, просто иногда слишком много болтаю – сама виновата.

Жалкий лепет. Мой язык не длинный, я знаю, когда нужно заткнуться. Я очень хорошо умею молчать. Я также хорошо умею держать эмоции при себе. Я невероятно хорошо умею не болтать лишнего. Боже, что я несу.

Дуайт улыбается, не ведая моих мыслей.

– Все в порядке, не волнуйся. Мне знакомо это чувство – когда ляпнешь что-то, не подумав. Если хочешь, я все забуду...

– Но я уже это сказала... – отрицательно качаю я головой.
– Неважно. Итак, как прошел твой день?

Он хихикает, а потом мы продолжаем разговаривать. Я никогда прежде по-настоящему не разговаривала с людьми, поэтому мне странно, каким естественным это кажется с Дуайтом. Он рассказывает о грубом посетителе и о том, как тот стер чуть не взорвался; я рассказываю, как родители взбесились, когда увидели мой пирсинг, и как сильно мне нравится Флорида.

Вскоре мы приходим на пляж. Там уже много народу примерно моего возраста, и, похоже, все они учатся в старших классах. Небо еще не совсем потемнело, но ждать осталось недолго. Солнце пока в закате и отбрасывает красные, розо-

вые и фиолетовые полосы на морские волны. Я никогда не видела ничего подобного. Если бы не мусор, и коряги, и тусующиеся подростки, это было бы поистине захватывающим зрелищем.

Однако я не слишком долго люблюсь великолепным закатом. Мое внимание быстро привлекает толпа людей. Должно быть, здесь около сотни школьников. Большинство из них пьют. Они все болтают и смеются, хорошо проводят время, некоторые целуются... Наверное, так на вечеринках и бывает.

А мне становится страшно. Ну прямо до ужаса. Мне хочется схватить Дуайта за руку, просто чтобы успокоить себя: я не одна, у меня здесь есть друг, все будет в полном порядке. Но я этого не делаю, поскольку он продолжает идти, а я остановилась как вкопанная.

Пока Дуайт не заметил моего отсутствия, догоняю его и снова иду с ним в ногу. Кручу запястьями и сжимаю кулаки; ладони потеют.

Моя прежняя уверенность в себе рассеялась чертовски быстро. Я боюсь, что не смогу ни с кем заговорить. Что никому не понравлюсь. Что все снова будет как в Пайнфорде.

– Эй, – вдруг тихо произносит Дуайт, заставляя меня слегка подпрыгнуть. – Не надо так пугаться. Они не кусаются. Ну, некоторые могут, но я предупрежу, если такие к нам приблизятся.

Я смеюсь, но в смехе явно слышна нервозность. Дуайт

толкает меня плечом, от чего наши руки прижимаются друг к другу, и ободряюще улыбается. Я выдавливаю ответную улыбку, делаю пару глубоких вдохов, и мы идем к костру.

Вокруг него разложены бревна, и на них сидят подростки: они болтают о чем-то и пьют. Один парень комкает пустую банку из-под пива, привлекая мое внимание. Он бросает ее в огонь, а затем обнимает девушку рядом.

– Здесь есть кто-нибудь из твоих друзей? – спрашиваю я Дуайта. Мне неприятно думать, что он, возможно, считает себя обязанным держаться возле меня весь вечер, ведь я ни с кем пока не знакома.

Но он и сам уже разглядывает толпу, а потом вскидывает брови, заметив кого-то. Поднимает руку, кивает, и, видимо, его тоже узнали. Я встаю на цыпочки и вытягиваю шею, пытаюсь разглядеть, но уже слишком поздно – в ответ никто не машет.

– Сейчас вернусь, – обращается ко мне Дуайт. – Хочешь чего-нибудь попить?

– Нет, все в порядке, спасибо, – качаю я головой.

– Клянусь, я тебя не брошу, – смеется он и ободряюще улыбается. – Увидимся через минуту.

Со смехом выдыхаю и говорю: «Конечно», – ослепляя его улыбкой. Секунду или две смотрю на его удаляющуюся спину, но потом чувствую себя глупо, оставшись стоять в одиночестве. Делаю несколько шагов к одному из бревен, разложенных вокруг костра, и плюхаюсь на него.

Некоторое время тереблю молнию на толстовке. Еще не холодно, но мне хочется застегнуть ее, чтобы почувствовать себя в укрытии. Почти жалею о своей короткой стрижке: я чувствую себя совершенно беззащитной.

Мой айпод лежит в заднем кармане. Не люблю с ним расставаться. Он был частью меня последние пару лет учебы. Меня так и подмывает вставить в уши хотя бы один наушник, но я не могу. *Не буду*. Я отказываюсь сдаваться так скоро.

Скрещиваю руки и кладу их на колени, глядя на огонь. Знаю, что должна с кем-то пообщаться, но с кем? С кем из этих ребят следует знакомиться прежде всего? И неужели сидеть в одиночестве и ждать возвращения Дуайта – это неправильно? Может, надо все-таки постараться влиться в общество?

Я решаю просто подождать возвращения Дуайта. Так безопаснее всего. И проще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.